

Хорошо помогала наша пушка, бывшая прямой наводкой по ясно видимой цѣли, но много потребовалось и от нашего полка. Несчастье красных состояло в том, что они почему-то не кинулись на нас, что должны были сдѣлать, а, подойдя почти вплотную, продолжали перестрѣливаться.

В этом бою произошли два интересных и красивых случая.

Против нашей 4-й сотни из рядов красных выскочил один лихач и, кроя нас звучными ругательствами, начал вызывать на бой. Навстрѣчу ему вылетѣл командовавший 4-й сотней в этом бою сотник Сельников. Как в какой-нибудь древней Куликовской битвѣ сшиблись они при общих криках ура и... миг, лошадь красного понеслась к своим без всадника, который остался лежать с раскроенным черепом.

Против первой сотни выскочил вперед пулемет на тачанкѣ и хотѣл в упор открыть огонь. Навстрѣчу к нему бросились Ш. Баранов и Х. Бохардинов. Не успѣла тачанка открыть огонь, как наши зарубили пулеметчика и умчали пулемет из-под носа красных.

Так прошло 10—15 минут. Наконец, наши Георгіевцы во взводной колоннѣ с шумом и гиком ворвались в нашу дугу и прорвали красную лаву. Бросились и Зюнгарцы, красные бѣжали, преслѣдуемые нами до самой Поповки. Послѣ этого мы вернулись на свой прежній участок, а красные пошли дальше вдоль нашего фронта и на участкѣ 1-й Дондивизіи прорвались в наш тыл, гдѣ в Токмакѣ чуть не захватили нашего Донатамана со знаменем для нашего полка. В этом бою был ранен командир 1-й сотни есаул Шарапов, подхорунжий Кутушов Б. 2-й сотни.

Вскорѣ послѣ этого, памятнаго Зюнгарцам, боя, наша бригада имѣла столкновение с еще одним серьезным противником, с матросами, под седом Бельманкой. Красные занимали позицію по сѣверо-западной окраинѣ села. Пострѣляв немного из пушки, полки наши по обыкновенію сѣли и пошли в атаку. Противник был сбит с позиціи, но, заняв огороды и канавы дворов, отчаянно защищался. Полки наши, обнаглѣвшіе в частых плѣненіях пѣхоты, лѣзли. Когда мы начали окружать деревню, а пушки бить на картечь, матросы дрогнули и были взяты. Ликвидировать всѣх все же не удалось, часть, благодаря своей твердости, ушла, сбив нашу недавно прибывшую в полк, а потому еще не бывшую в боях 3-ю сотню (сотник Куберлинов). По упорству сопротивленія это был один из рѣдких боев. В этом бою погиб хороший подхорунжий Дундуков первой сотни.

Перед самым отступленіем наша 4-я сотня в селѣ Романовском врасплох была захвачена красными и едва унесла ноги. Сотня в этом бою потеряла вахмистра Джекджинова, Власовской станицы. Также в послѣдних боях был ранен урядник Бадьма Манжиков, Денисовской станицы 5 сотни.

Вслѣдствіе неудач на Каховском направленіи началось отступленіе фронта в Крым. Для наших полков отступленіе прошло без больших давленій со стороны противника. Каково же

было наше удивленіе, когда мы узнали, что пути отступленія уже заняты красными.

И дѣйствительно при нашем подходѣ станція Сальково оказалась занятой дивизіей красной конницы. Недолго думая мы двумя полками накиннулись на них и заставили их с уроном отступить нам путь. Оказалось, что отрѣзанных частей было много, а еще больше тыловых учреждений, санитарных поѣздов и проч. Таким образом, выражаясь тогдашним языком: «Мы с треском вышибли Сальковскую пробку».

Трудны были условія сидѣнія по морозу на Татарском валу, на Сиваше у Тюп-Джанкоя, но, пока сидѣла наша бригада, попытки красных перейти Сиваш кончались неудачей. Здѣсь у Зюнгарцев был тяжело ранен храбрый казак Оля Очуров, Денисовской станицы и умер в Константинополь.

Около 50 вражьих трупов лежало у нашей проволоки. Не успѣли мы уйти оттуда, сдав участок какому то нѣмецкому полку, как красные в ту же ночь перешли Сиваш. Прошло еще два дня и мы с грустной мыслью о неизвѣстностях будущаго шли на погрузку в Керчь.

Сила ломала солому.

Зюнгарцы до самой Керчи были в арьергардѣ. Погрузка и эвакуація, как извѣстно, прошли благополучно. Только у нас разбѣжались по пути наши музыканты с трубами, которые в бою под Александровском были отбиты нами у красных.

Борьба была кончена. Дальше... Константинополь, Чилингир, Кабаджа, англійскій обоа, возвращеніе и расселеніе по разным странам. Кто их не пережил, кому они не памяты и кому не тяжело их вспоминать...

В заключеніи хочу сказать, что я не утверждаю, что Зюнгарскій полк был самый боевой полк. Нѣтъ, были полки не ниже нашего по боеспособности, а нѣкоторые и выше. Если сказать, что Зюнгарскій полк был один из боевых полков в Донской арміи, это будет правда.

Кромѣ того наш полк имѣл двѣ неприсуція другим частям качества.

Это безусловная надежность в смыслѣ вѣрности своему долгу и несравненная выносливость в перенесеніи холода, голода и других лишений. Одно то, что наш полк единственный в Донской Арміи, который перенес свою долю бремени на всем протяженіи гражданской войны без каких бы то ни было расформированій и перестроеній, почти при неизмѣнном составѣ и одним названіем, должно говорить многое.

Царство небесное вам, мои павшіе однополчане! Здоровье и крѣпость живым!

Санжа Бальков.

1927 г., Чехія.

Посвящается доблестному 2-му Астраханскому Калмыцкому казачьему полку и Иностранческому дивизиону.

В Тавридѣ, в баталіи славной —
Второй Астраханскій казачій полк
Стоял на позиціи главной
И дрался с врагом, как волк.

Раз ночью дождливой неожиданно —
Противник его окружил:

Полк ринулся в битву отважно
И много голов положил.

С ним вмѣстѣ сражался и бился
Калмыцкій лихой дивизьон —
И тѣм инородец гордился,
Что бился за Родину он.

На утро ряды порѣдѣли
В недавном и страшном бою, —
Врагу уступить не хотѣли...
Прославили доблесть свою.

Вновь быстро слетѣлись орлята
И клѣкот их слышен опять:

«Отомстить за родимаго брата,
Сбирается новая рать».

Полк снова собрался под знамя

И двинулся смѣло вперед,

И снова сражался с врагами.

И слава о нем не умрет.

Почившіе братья, родные,

Спят крѣпко спокойной душой.

Их подвиги вспомнит Россія,

Помянет молитвой святой.

Донсков.

Из дѣтских воспоминаній.

Чѣм грустнѣе и продолжительнѣе течет наша жизнь на чужбинѣ, тѣм чаще переносятся мои мысли на далекую милую Родину. Прежде всего воскресает в памяти то беззаботное и жизнерадостное дѣтство, которое протекло среди тихой, мирной и безпечной обстановки жизни прошлаго, на лонѣ привольной и богатой Сальской степи в кругу родной семьи.

Но из разнообразных дѣтских воспоминаній живѣе и ярче всѣх отразился в моей памяти день моего поступленія в Николаевское приходское училище. Особенно памятен он мнѣ тѣм, что он был днем моего перваго шага к свѣту.

В то время родители мои жили в хуторѣ Николаевском Ново-Алексѣевской станицы Сальскаго Округа Донской Области. Я жил и воспитывался дома у своих родителей. Отец и дѣд мой, хотя и не были образованными людьми, но были вполне убѣжденными в необходимости просвѣщенія и науки. Я помню их глубокое сожалѣніе и досаду, что им не пришлось получить образованія. За то они всячески старались возбудить во мнѣ любовь к просвѣщенію и во что бы то ни стало стремились дать мнѣ образованіе. Благодаря такому внушенію моего отца, а также и дѣда, я с ранняго дѣтства был проникнут желаніем учиться и с трепетом ожидал дня поступленія в школу.

Отец мой, когда отдавал меня в гимназію, по окончаніи приходскаго училища, говорил мнѣ: «Отдай всю свою душу ученію, ибо только оно является единственным правильным шагом на том жизненном пути, который каждаго из нас должен сдѣлать человѣком в полном смыслѣ этого слова. И пойми, что тот нехорошій человѣкъ, который живет только для самого себя и трудится ради своих личных интересов. А хорош тот, который приносит пользу

другим и жертвует собою для интереса и блага других. Я располагаю вполне достаточными средствами, чтобы обезпечить твое матеріальное существованіе на все время твоего ученія, а если какое-нибудь несчастье лишит меня этой возможности, то наймусь в работники, чтобы только тебѣ дать образованіе».

Давно жданный день пришел, наконец, на 7-м году моей жизни 16 августа 1913 года. Стояло тихое и ясное лѣтнее утро. Знойное солнце еще не успѣло подняться в высь вѣчно голубого небеснаго свода. С вѣверо-запада слегка дул прохладный степной вѣтерок. Кругом тянулось широкое зеленое море. По нем, как бы внимая окружающей тишинѣ, тихо и мирно бродили стада овец, коров, лошадей и верблюдов. По дорогѣ дружно чирикали воробьи. Ласточки, как бы дразня нас, перерѣзывали нам дорогу. На кизячных скирдах лѣниво перекликались удода. Собаки сопровождали нас нерѣшительным лаем.

Отец шел молча. Он о чем то сосредоточенно думал: вѣроятно о предстоящих хлопотах по поводу зачисленія меня в школу. Я шел также молча, оглядываясь и бессознательно любуясь красотой лѣтней степной природы, свистом и пѣснями разных степных птиц.

Перешли улицу, тянувшуюся вдоль всего хутора. При поворотѣ с конца хутора направо мы увидѣли на разстояніи саженей 75-ти большой дом, выдѣлявшійся своим размѣром по сравненію с хуторскими домами. Это было зданіе Николаевскаго приходскаго училища. Оно было расположено на западном концѣ хутора, в совершенно ровной мѣстности, какова вообще наша Сальская степь. Все оно было выстроено из сосноваго лѣса и снаружи было выкрашено буровато-красной краской. По величинѣ своей этот дом почти вдвое превышал всѣ хуторскіе дома и настолько же рѣзко выдѣлялся он среди послѣдних и по наружному своему виду. Казалось, что он имѣлъ гордый и величественный вид, как-будто бы он сам сознавал свое превосходство над мѣстными домами.

Отец мой тотчас же в училищѣ начал свои хлопоты. Кромѣ моего отца, здѣсь было много и других хуторян, приведших тоже своих дѣтей. Нас, мальчиков, собралось всего около двадцати человек. В то время, когда наши отцы были заняты хлопотами, мы всѣ играли и бѣгали по двору. Спустя полчаса, кто-то из наших родителей позвал нас всѣх в училище. Мы всѣ мигом бросили игру и торопливо побѣжали в зданіе.

В коридорѣ встрѣтил нас учитель, человек средних лѣтъ, на вид очень милый, добродушный, обходительный и простой. Он повел нас в одну из комнат, расположенных по обѣим сторонам коридора, дѣлящаго все зданіе на двѣ половинки. Родители наши толпились в сосѣдней комнатѣ. Комната, в которую нас повел учитель, была уставлена наполовину стройными рядами парт, впереди которых стояла четырехугольная черная доска на 3-х ножках. На чисто выбѣленных стѣнах висѣли географическія карты, таблицы умноженія и разныя другія картинки. Вид комнаты и вся ея обстановка не могли не поуживать на мое дѣтское во-